

MMXXVI

ИЛЬНАЗ АХТЯМОВ

Мама Тьма

18+

Ильназ АХТЯМОВ

Мама Тьма

«Автор»

2026

Ахтямов И.

Мама Тьма / И. Ахтямов — «Автор», 2026

Главному герою выпало пройти через горнило невыносимых испытаний: потерю дома, крушение всех надежд, отчаяние, что сжигало душу дотла. Но самым страшным рубежом стала собственная смерть — миг, когда свет погас и мир рухнул в бездну. Однако даже за этой черной гранью его ждало чудо: там, за порогом небытия, он обязательно встретит не только свою истинную Любовь — ту, что узнает с первого взгляда, по одному лишь биению сердца, — но и верного друга, и Маму. Они протянут руку в самый трудный час. Они помогут ему заново научиться дышать, помогут сбросить груз прошлого и стать тем, кем он всегда мечтал быть: не только любимым, но и способным любить всей полнотой души — открыто, сильно, бесстрашно.

© Ахтямов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Мама Тьма

Глава

Глава первая

Вступление.

— Я, Демиург этого мира, заигрался в Жизнь. Я забыл, кто я на самом деле. Я стал слишком человеком, смертным. И когда пришла Истинная Любовь, я не помнил себя настоящего. Я считал себя недостойным и слабым для Гермiony Грейнджер. Но, несмотря на это, именно эта Любовь и слабость Человека помогли мне вспомнить всё. Но гораздо позже.

Глава первая и пролог.

Гораздо позже — когда я уже прожил сотни жизней, когда мои смертные тела успели состариться и рассыпаться в прах десятки раз, когда я уже почти отчаялся когда-либо понять, что значит быть человеком до конца.

В тот вечер я сидел на краю мира и смотрел, как она читает. Огонь в камине освещал её лицо, и я впервые за вечность почувствовал, что у меня есть сердце. Оно болело. Оно хотело. Она сидела в кресле, поджав под себя ноги, и перелистывала страницы той самой книги, которую я когда-то написал для неё, вложив в каждую букву частицу своей тоски. Она не знала этого. Она никогда не узнавала бы моего почерка в вязях слов, никогда не слышала моего голоса в шёпоте страниц. Она просто читала — и была прекрасна в этой своей погружённости, в этом своём обыкновенном человеческом счастье.

— Почему ты не можешь быть здесь? — прошептал я пустоте.

Пустота молчала. Она всегда молчит.

— Я могу создать любую вселенную, но не могу создать тебя, которая бы меня полюбила. Ирония, да?

Я провёл рукой по воздуху — и тысячи миров зажглись и погасли. А она всё читала, не поднимая головы. Гермiona Грейнджер, девушка с каштановыми волосами и глазами цвета осеннего мёда. Та, ради которой я был готов разрушить всё, что создал, и создать заново — лишь бы она взглянула на меня.

— Я демиург, — сказал я тихо. — Я бог. Но я один. И я люблю тебя, Гермiona. А ты даже не знаешь, что я существую.

Ветер подхватил мои слова и унёс в никуда. Как всегда...

А потом память накрыла меня. Я вспомнил всё сразу — каждое своё воплощение, каждую смерть, каждую встречу с ней. Я вспомнил, как в одном из своих смертных обликов, будучи простым библиотекарем в Хогвартсе, я каждый день смотрел, как она входит в библиотеку, как она склоняется над книгами, как её пальцы касаются страниц. Я вспомнил, как в другом воплощении, став её однокурсником, я пытался заговорить с ней, но слова застревали в горле, потому что смертный язык слишком беден для чувств бессмертного. Я вспомнил, как в третьем воплощении, будучи старым профессором, я смотрел, как она получает диплом, и плакал от гордости, хотя никто не видел моих слёз.

Каждая жизнь приближала меня к ней. Каждая смерть отбрасывала назад. И это было без конца и края. Каждое воплощение я лишь видел, не чувствовал, не понимал. И это было чувство бога, а не человека...

Я — Демидург этого мира. Не было начала, когда я впервые осознал себя. Просто всегда была бесконечность, и в ней — я. Из моей мысли родились свет и тьма, вода и камень, ветер и пламя. Из моего желания — травы, деревья, звери и птицы. А из глубочайшей тоски по кому-то, кто мог бы меня понять, — вы, мои смертные дети.

Я создал вас по образу своей мечты: способными любить, страдать, радоваться, плакать. Я подарил вам короткий век, чтобы каждое мгновение было драгоценным.

И вот, стоя на вершине мира, я смотрю на вас и чувствую то, чего не должен чувствовать бессмертный.

«Я склоняю голову перед живыми, — шепчу я ветру, что доносит мои слова до каждого уголка творения. — Ибо нет счастья больше, чем видеть вас, мои творения, в счастье и любви».

Но есть правда, которую я долго не решался признать даже себе.

— Ты страдаешь, — сказала однажды Луна, моя первая дочь, созданная из слезы, что упала с моей щеки, когда я впервые увидел смерть муравья под своей ногой. Ибо я творец, а не убийца.

— Я не могу страдать, — ответил я ей. — Я выше этого. Я существую всегда. Без боли и страданий.

— Но и без обратной стороны, — мягко возразила Луна. — Без любви и счастья. Ты смотришь на них и не понимаешь. Ты видишь, как влюблённые обнимаются на закате, и не знаешь, каково это — чувствовать тепло другого тела. Ты слышишь, как мать поёт колыбельную ребёнку, и не ведаешь, что такое дрожь в голосе от нежности. Ты наблюдаешь, как старик вспоминает свою молодость со слезами на глазах, и не способен ощутить ту горько-сладкую боль ушедшего времени.

Я молчал долго. Целую вечность. А может, лишь миг — для смертных это одно и то же.

— Я не могу по-настоящему быть, — наконец произнёс я, и слова эти обожгли мне горло, словно я впервые попробовал огонь. — Я не могу чувствовать свои творения. Я не знаю вас. Я смотрю на вашу любовь, как слепой смотрит на солнце: чувствую тепло, но не вижу света.

— Так измени это, попробуй, — прошептала Луна и погасла, оставив меня в темноте.

И тогда я принял решение.

— Я сам стану смертным, — сказал я пустоте. — Я буду становиться ими снова и снова. Рождаться в муках, жить в заботах, любить до дрожи, терять до крика, умирать в страхе или с улыбкой. Каждое воплощение — новый урок. Каждая жизнь — ещё одна глава, приближающая меня к пониманию.

Я буду крестьянином, который пашет землю и молит о дожде. Я буду воином, что заслоняет товарища становясь на путь стрелы. Я буду девушкой, что впервые целует любимого под вишнёвым цветом. Я буду стариком, что провожает взглядом внуков и знает, что больше не увидит их. Я буду ребёнком, что тянет руки к матери, ещё не зная слова «смерть».

«А в безвременье между воплощениями, — думаю я, глядя, как внизу зажигаются огни первого города, — я буду улучшать мир. Шлифовать его, как мастер шлифует алмаз. Делать его таким, в котором моим будущим я будет легче и радостнее жить».

Я построю мосты там, где реки разделяют людей. Я выращу леса там, где раньше была пустыня. Я напишу законы, что защитят слабых от сильных. Я создам музыку, что будет звучать в сердцах, даже когда смолкнут инструменты.

Потому что я понял главное.

— Самый лучший творец, — прошептал я, и слова эти стали первым законом нового мира, — тот, кто знает творение изнутри. Тот, кто не просто смотрит с высоты, а идёт по земле босыми ногами. Тот, кто не просто дарит жизнь, а проживает её.

И я шагнул вниз.

Ветер свистел в ушах, мир летел навстречу, и впервые за всё своё бесконечное существование я почувствовал страх. Но следом пришло другое чувство, которого я тоже никогда не знал. Предвкушение.

Где-то внизу, в маленькой деревушке у подножия горы, только что родился мальчик. Он закричал, возвещая миру о своём прибытии, и никто не знал, что в этом крике — первый вздох самого Творца.

— Здравствуй, мир, — прошептал я его губами. — Наконец-то я тебя узнаю.

Так началась эпоха Странствующего Бога, и никто из смертных не ведал, что каждый встречный нищий, каждый улыбочивый торговец, каждая плачущая вдова могут оказаться Тем, Кто создал этот мир и теперь учится в нём жить.

Но была ещё одна тайна, которую я унёс с собой в первое падение: среди множества смертных жизней, что ждали меня впереди, одна была особенной. Жизнь, в которой я снова встречу её — Гермину. Жизнь, в которой я, уже зная, кто я, попытаюсь стать для неё кем-то большим, чем просто творцом, смотрящим со стороны.

Но это будет потом. А пока — первый вдох, первый крик, первое прикосновение к миру, который я создал и который теперь должен был узнать меня в ответ.

Ничего не нужно. Вдохни огонь творения. Тишина. Закрой глаза. Представь, что ты стоишь на краю пустоты. Ни звёзд, ни ветра, ни звука. Только ты и она. Сделай глубокий вдох. Не воздухом — возможностью. Не кислородом — смыслом. Не жизнью — самым желанием творить. Почувствуй, как в груди зарождается искра. Сначала холодная. Потом тёплая. Потом обжигающая. И выдохни. Пусть из твоего дыхания родятся галактики. Пусть каждая песчинка станет миром. Пусть каждый звук твоего выдоха найдёт себе имя и форму. Шёпот становится ветром. Ветер становится словом. Слово становится формой. Форма становится жизнью. Вдохни огонь творения. Выдохни вселенную. Ты готов. Помни: огонь творения уже внутри тебя. Он не гаснет. Он ждёт твоего вдоха.

Но я забуду обо всём. Я хочу забыть. И я забыл на очень долгое время. Слишком долгое. Почти навсегда.

Главы вторая, третья, четвёртая и пятая.

Глава вторая

В груди, где должно было биться сердце, зияла пустота. Чёрная, липкая тоска затопила всё внутри, поднялась до самого горла, не давая дышать. Я снова и снова переживал одно и то же — её лицо, её улыбку, её взгляд... и стену, которую я никогда не смогу пробить.

— Почему?... — мой собственный голос прозвучал как чужой, хриплый и надтреснутый. — Почему я не могу быть рядом с ней?

Тишина. Только гулкая пульсация крови в висках, словно кто-то невидимый бил молотом по моей голове в такт мыслям и эхом разносясь по всему телу

Безнадёжность...

Бессмысленность...

Навсегда...

— Да... да, да... — прошептал я повторяя в пустоту. — Навсегда.

Каждое утро мир издевался надо мной снова. Экран телефона — этот проклятый холодный прямоугольник стекла и металла — становился моим личным окном в ад. Я не мог не заглядывать в него. Это было намного сильнее меня самого. Я видел её фотографии — прекрасные, живые, такие недостижимые. Я видел её с другими — и внутри всё переворачивалось, в груди закипала чёрная, бессильная ревность. Я видел, как её мучают в каждом чёртовом фильме, который я сам же и включал, чтобы хоть краем глаза увидеть её движения, её лицо.

Или смотрел на то, как она одинока на какой-нибудь грустной фотографии у окна, и моё сердце разрывалось от боли, которую я не мог облегчить.

Это было пыткой. Но не видеть её — это было хуже. Гораздо хуже. Это значило погрузиться в серую, безликую пустоту, где даже страдание переставало чувствоваться.

— Зачем?.. — спросил я в потолок, голос сорвался на шёпот. — Зачем Ты открыл моё сердце, если не дал мне быть с ней? Зачем вся эта любовь, если она только жжёт и убивает?

Ответа не было.

И тогда я обратился к ним. Ко всем. К богам и творцам, к тем, кто сидит наверху и якобы правит этим миром.

— Услышьте меня! — закричал я, но из горла вырвался только сдавленный хрип. — Я взываю к вам! Я молю вас! Сделайте что-нибудь! Соедините нас! Разрушьте эти грёбанные стены!

Тишина.

Только ветер за окном завыл громче, словно в насмешку.

— Кто я для вас? — прошептал я, и слёзы снова потекли по щекам. — Всего лишь жалкий человечешка со своими ничтожными проблемками... Вы даже не взглянули на меня. Даже не моргнули. Не захотели услышать мои горячие мольбы.

И тогда ярость захлестнула меня с головой. Она была горячей, как расплавленный свинец, и такой же тяжёлой. Я приподнялся на локте, вглядываясь в темноту, и заговорил громко, чётко, чеканя каждое слово:

— Что ж... Тогда пропадите вы все пропадом. Все! Боги и демоны, бесы и ангелы, творцы всех мастей и цветов. Слышите? Вы все — ничтожества духа! Сильные, могучие... А сами даже крошки любви не можете подарить. Так горите вы в своём величии, если не можете сделать даже такой малюсенькой малости!

В тот же миг в моей груди что-то произошло. Сердце, которое до этого просто ныло, словно разорвалось. Нет, не от боли — от решения. Там, за грудиной, открылась бездонная дыра. Края у неё были неровные, иззубренные, будто кто-то вырвал кусок моего нутра голыми руками.

— Ну вот и всё, — выдохнул я, чувствуя, как меня начинает затягивать внутрь себя. — Сердце моё не выдержало... И я обрету покой. Хотя бы растворившись во тьме.

Я закрыл глаза, готовясь исчезнуть. Тело стало лёгким, невесомым. Я уже почти не чувствовал подушки, одеяла, холода...

И тут произошло то, чему нет названия в человеческом языке.

Тени в углах комнаты — густые, маслянистые, тяжёлые — вдруг шевельнулись. Они не просто дрогнули — они повернулись ко мне. Как будто внимательные глаза раскрылись там, где чернота была всего лишь отсутствием света.

А потом — ветерок. Тёплый, мягкий, ласковый, пахнущий скошенной травой и чем-то забыто-родным. Он коснулся моего лица, осушил слёзы на щеках. Кто-то невидимый провёл по моим набрякшим векам — не пальцем, а невесомым, лёгким пёрышком, едва ощутимым.

И дыра в груди... она схлопнулась. Не в ничто, а в маленький тёмный шарик. Тёплый, гладкий, живой. Этот шарик двинулся по моему телу, проходя через напряжённые мышцы плеч, спины, шеи. Там, где он проходил, уходила боль, уходило напряжение, уходил страх. Я чувствовал, что он вобрал всю мою Любовь к ней без остатка, чтобы сохранить, как в самом надёжном сейфе. И когда я буду готов, когда я стану достойным её, он раскроется когда-нибудь...

— Всё позади... — прошелестел голос. Не мужской, не женский, а словно сама ночь заговорила со мной. — Спокойная ночь...

Шарик поднялся к голове и мягко остановился где-то за лбом. И все плохие мысли — все эти бесконечные «почему» и «зачем» — просто исчезли. Растворились, как туман на рассвете.

Я сам не заметил, как мои веки отяжелели. Глубокий, исцеляющий сон накрыл меня тёплой волной, унося прочь от боли, от отчаяния, от мира, который я проклял.

Последнее, что я почувствовал перед тем, как провалиться в забытьё, — это лёгкое прикосновение к виску.

Словно кто-то поцеловал меня на ночь.

— Всё будет хорошо...

Глава третья

Мой сон

Меня вели на казнь. Огромная толпа — боги и демоны, ангелы и бесы, существа, которых человеческий язык не смеет назвать, — волокла меня по кривым, грязным улочкам какого-то южного городка. Вокруг не было ни души. Ни одна живая тварь не выглянула из окон, ни одна дверь не скрипнула. Только горячий, обжигающий ветер гонял пыль по пустым мостовым, да полуденное солнце неподвижно висело в выцветшем от жары, бесцветном небе — словно бельмо на глазу мира.

В глазах у меня пылали огненные круги. Голова кружилась так, что я едва различал, где верх, где низ. Всё вокруг то расплывалось в дрожащем мареве, то вдруг — чтобы подчеркнуть контраст — становилось нереально чётким. В эти мгновения я видел каждый камешек, впивающийся в мои избитые, окровавленные ноги. Видел каждое лицо — с рогами и нимбами, с мордами и рылами, искажёнными яростью до неузнаваемости. Черты их были всевозможными и немыслимыми, но объединяло их одно: ненависть.

И я слышал их. Слышал невероятно чётко и запредельно громко — так, что из ушей начинала сочиться кровь.

— Ты отрёкся от нас! — гремел голос, и ему вторили сотни, тысячи других. — ОТ ВСЕХ! Так узри же нашу месть!

— Ты усомнился в нас! — взвизгнул кто-то тонко, пронзительно.

— Тебя ждёт наисуровейшая из кар! — пробасил третий, отчего земля под ногами дрогнула. — Ты станешь безумен! Будешь вечно пребывать внутри своих наихудших кошмаров! А твоё жалкое тело наяву будет ходить под себя и бессмысленно пускать слюни! Тебя будут бить и ненавидеть, ведь ты проклят богами!

— И демонами! — раздался чей-то омерзительный хохот, похожий на скрежет ржавых петель.

— Именно так! — согласился хор голосов. — Именно так! Именно так!

Меня толкали в спину, рвали одежду, плевали в лицо. Я спотыкался, падал, меня поднимали и снова тащили вперёд. И так — бесконечно долго, пока мы не вышли на жертвенную площадь.

Она была треугольной, окружённой высокими стенами из кроваво-красного гранита и мрамора. Камни эти, казалось, дышали — они впитали в себя жизни тех несчастных, что были до меня, и теперь источали тяжёлый, металлический запах крови. В центре площади стоял невысокий помост из влажно поблёскивающего обсидиана. На нём — простая деревянная плаха и воткнутый в неё палаческий топор.

Топор был из красной меди и золота. Он олицетворял собой свет богов и кровь демонов — сплавленных воедино, чтобы убивать таких, как я.

Меня просто толкнули вперёд с огромной силой. Я рухнул лицом вниз и пребольно ударился головой о дубовый чурбан. Перед глазами вспыхнули звёзды, искры, цветные круги. Сквозь нестерпимую боль, от которой у меня непроизвольно полились слёзы, я сумел прочитать на рукояти орудия казни:

«Двойнокар»-двойная кара.

— О, вы смотрите! Он плачет! — заулюлюкала толпа, заполнившая всю площадь до краёв. — Теперь он плачет!

— Раньше надо было думать, жалкий червь!

— Нет пощады! Нет пощады! РУБИ ЕМУ ГОЛОВУ!

Палач был громадного роста. Красная рубаха перехвачена широким кожаным поясом с массивной латунной бляхой. Лицо скрывала маска — простая, без прорезей для глаз, но я чувствовал на себе его взгляд. Тяжёлый, как могильная плита.

Он упёр руки, напоминающие стволы вековых деревьев, в мощные бока, чуть наклонился вперёд и негромко пророкотал низким басом:

— Встать.

Его голос — тихий, казалось бы, — мгновенно перекрыл всю орущую толпу. На площади воцарилась мёртвая тишина. Я неловко поднялся, помогая себе руками, дрожа всем телом. Тошнило неимоверно. Меня вырвало прямо на плаху.

Кто-то в толпе начал хихикать, но взгляд палача — я физически ощутил, как он упёрся в того смельчака, — мгновенно оборвал этот звук. Палач сделал едва заметное движение рукой, и дерево плахи стало чистым. А в моей голове прояснилось, стало легче дышать. Я почувствовал в себе силы встать прямее.

— А теперь, — продолжил палач, и его голос раскатился над площадью, как далёкий гром, — последнее слово казнимого.

Негромкий рокот, плавно перешедший в многоголосый шёпот, резко оборвался — лишь от жеста человека, стоявшего рядом.

Человека? Человека-горы.

Палач кивнул мне и взгляделся в моё лицо на одно мгновение. И я понял всё. Понял, кто он такой и почему все молчат. Но в то же время я почувствовал в его взгляде поддержку — и обещание, дарящее надежду.

«Я — Танатос», — прозвучало у меня в голове, хотя его губы не шевелились. «Сама Смерть. Моё слово — закон. Всегда. Даже для них. Передо мной равны все. И на бессмертного бога найдётся управа».

Он незаметно подмигнул мне — всего один раз, краешком глаза.

«Скажи всё, что думаешь и чувствуешь. Всё будет хорошо».

И я ощутил тот самый след лёгкого ветерка, который коснулся меня перед этим сном. Тот же тёплый, ласковый поток воздуха, пахнувший травой и домом. Он придал мне сил.

Я выпрямился, насколько мог, и открыл рот.

— Вы все... — хотел произнести я громко, но натужно закашлялся.

Под тяжёлым взглядом моего неожиданного союзника никто не осмелился даже усмехнуться. Тишина стояла абсолютная — такая, что было слышно, как ветер играет с пылью на камнях площади.

— Я... я верил в вас, — продолжил я хриплым, надсадным, тихим голосом, ставшим похожим на шелест листвы той последней осени, которая была — казалось — тысячу лет назад. — Я всегда надеялся... Но в вас всех не оказалось и капли любви, и капли тепла, в которых я так нуждался.

Я перевёл дыхание. Грудь горела.

— Отрекаюсь от вас ещё раз.

Я смолк. И лишь кивнул, глядя прямо перед собой:

— Всё.

— Тогда продолжим, — произнёс Танатос.

Его крепкая рука на миг зависла над секирой «Двойнокар». Та задрожала — и растворилась в гнетущем воздухе ожидания, рассыпавшись золотой и красной пылью.

— Не эта.

Он тихо свистнул — и в его ладонь просто влетела абсолютно чёрная коса, гармонирующая с обсидианом под нашими ногами. Лезвие её не отражало свет — оно поглощало его, оставляя вокруг себя воронку тьмы.

— Вот эта.

Тишину пререзали несмелые голоса:

— Ты не имеешь права! — выкрикнул кто-то из толпы. — Это произвол! Это мы выбрали этот символ! Мы отомстим тебе, Танатос! Мы..., кто то подавился окончанием тирады, будто его двинули под дых.

Эту последнюю реплику, однако, не поддержал никто. Все лишь испуганно замолкли. Лишь едва слышно прозвучало в ответ:

— Прости его, Танатос... Он ещё молод и глуп.

— Таким и останется, — зловеще пообещал тот и продолжил, обводя тяжёлым взглядом притихшую толпу: — Это мой выбор! Он не заслуживает безумия. Он заслуживает только...

Пауза. Гробовая тишина.

— ...растворения.

Этой короткой фразой он заткнул все алчущие моего сумасшествия пасти всего этого райско-адского сонма. Никто больше не посмел раскрыть рта.

Танатос наклонился ко мне — так, чтобы слышал только я.

— Ничего не бойся, — шепнул он очень тихо. — Ты уже победил.

И взмахнул косой.

Она свистнула — тонко, протяжно, словно сама вечность вздохнула в последний раз.

Солнце развалилось на куски — нет, не солнце, это мир разлетелся осколками, как зеркало, упавшее на каменный пол. А я уплыл на чёрной ладье в чернильную тьму.

«Всё закончилось для меня», — только и успел подумать я.

Но тьма оказалась тёплой. И она пахла травой.

— И я поплыл прямо в неё.

Глава четвертая

Чёрная ладья не скользила по воде — она плыла сквозь саму тьму, как нож сквозь масло. Вокруг не было ничего: ни звёзд, ни ветра, ни звука. Только густая, бархатистая пустота, в которой моё тело перестало болеть, а разум — метаться.

Сколько это длилось? Миг? Вечность? Я перестал чувствовать время.

А потом вдалеке замерцал свет. Сначала — едва заметная искра, потом — разгорающееся пятно, и наконец — ослепительно белая стена, к которой ладья приближалась с неумолимой плавностью.

Я зажмурился.

Когда открыл глаза — лежал на спине в мягкой кровати, глядя в высокий сводчатый потолок, расписанный фресками. Я узнал эти сюжеты: вот Ахилл тащит тело Гектора, вот Орфей оглядывается на Эвридику, вот Харон правит своей утлой лодкой. Но лица на фресках были... моими. Детским, юношеским, взрослым — каждое мгновение моей жизни было запечатлено в краске на этом потолке.

— Очнулся? — раздался знакомый голос.

Я с трудом повернул голову. Танатос сидел в простом деревянном кресле у камина, в котором уютно потрескивали дрова. Огромная коса стояла прислонённой к стене, и в свете пламени она не казалась страшной — скорее торжественной, как реликвия.

— Где я? — мой голос звучал хрипло, но чисто. Без боли.

— В месте, которого нет на картах нирая, ни ада, — усмехнулся он, помешивая кочергой угли. — Мои личные владения. Граница между небытием и чем-то новым.

— Я умер?

Танатос посмотрел на меня долгим, изучающим взглядом. В его глазах плескалась сама Вечность.

— Тело, которое ты называл своим, прекратило существование в той реальности, да, — сказал он спокойно. — Но ты — не тело. Ты никогда не был телом. Ты был тем, что заставляло тело двигаться, дышать, чувствовать. И это — здесь. Со мной.

Он встал, подошёл к окну — его не было мгновение назад, но теперь оно распахнулось, открывая вид на бескрайнее звёздное поле. Созвездия складывались в узоры, которые я никогда не видел раньше, но которые казались странно знакомыми.

— Ты сделал то, на что мало кто решается, — продолжил Танатос, не оборачиваясь. — Ты отрёкся от богов и демонов осознанно. Не из страха, не из выгоды — а из разочарования, что в них нет любви. Знаешь, сколько существ за всю историю миров осмелилось на такое?

Я отрицательно покачал головой.

— Трое, — он повернулся ко мне. — Первый стал мучеником, второго распяли, третий... третий сейчас разговаривает со мной.

В груди у меня что-то дрогнуло. Не страх — странное, щемящее чувство, похожее на предвкушение.

— Что теперь будет? — спросил я тихо.

Танатос улыбнулся — и в этой улыбке не было ни жалости, ни снисхождения. В ней было уважение.

— А теперь, — сказал он, протягивая мне руку, — мы будем строить новый мир. С нуля. Где не будет богов, требующих жертв, и демонов, алчущих страданий. Где вместо веры будет знание, а вместо страха — понимание.

Я смотрел на его ладонь. Мозолистую, грубую, но почему-то бесконечно надёжную.

— Я не умею строить миры, — признался я.

— Научишься, — пожал плечами Танатос. — У тебя впереди целая вечность, чтобы освоить ремесло.

— А что случилось с теми, кто меня судил?

Танатос хмыкнул и кивнул на окно. Я подошёл и выглянул наружу.

Далеко внизу, под слоем звёздной пыли, копошились крошечные фигурки. Они суетились, кричали, размахивали руками, строили алтари и жгли жертвенный огонь. Но огонь не давал тепла, алтари рассыпались, а крики тонули в пустоте.

— Они заперты в своём собственном аду, — спокойно сказал Танатос. — Без актов поклонения боги перестают быть богами. Без жертв демоны становятся призраками. Они обречены вечно искать того, кто будет в них верить. Они не поняли одного и самого главного, не увидели ослепнув от своего величия, что именно ты их создал. Именно ты оживлял миллионы людей для их веры и для их жертв. Они захотели убить своего демиурга. А теперь ты... ты свободен.

Я долго смотрел на эту возню внизу.

— Они заслужили это?

— Они сами это выбрали, — ответила Смерть. — Когда поставили своё величие выше чужой жизни.

Он положил тяжёлую руку мне на плечо.

— Пойдём. Работы много. Первым делом надо придумать, как назвать новый мир. У тебя есть идеи?

Глава пятая

Танатос окинул меня долгим, но понимающим взглядом.

— Да, ты всё ещё боишься меня, это не дело. Пойдём, я познакомлю тебя с Мамой. Её зовут Тьма, и если захочешь, она станет и твоей Мамой. Потом ты пройдёшь инициацию. На

время ты забудешь обо всём, что было, — просто как очередной сон. И только тебе решать, каким он будет: кошмаром или волшебным миром грёз.

Я хотел сказать, что не боюсь, но язык не повернулся солгать. Боялся. Не того, что Танатос причинит мне вред, — а того, что я не справлюсь с той ношей, которую он на меня возлагает. Строить новый мир с нуля? Я, вчерашний смертный, который ещё помнил, как пахнет утренний хлеб и как скрипит снег под ногами?

— Пойдём, — повторил Танатос и направился к дальней стене, которой мгновение назад не существовало. Теперь там зиял проём, заполненный таким знакомым чернильным маревом. Я шагнул следом.

— А... больно будет? — спросил я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Инициация?

Танатос обернулся и усмехнулся. В этой усмешке не было насмешки — скорее отеческое тепло, от которого у меня защипало в носу.

— Знаешь, какая самая распространённая ложь среди богов и демонов? — спросил он вместо ответа.

Я покачал головой.

— Что страдание очищает душу. Что боль облагораживает. Что нужно пройти через муки, чтобы стать лучше. — Он фыркнул, и от его фыркания чернильная тьма перед нами колыхнулась, словно живая. — Чушь собачья. Страдание не очищает — оно ломает. Боль не облагораживает — она озлобляет. Инициация — это не пытка. Это возвращение домой.

— Но ты сказал, что я забуду всё...

— Забудешь знанием, — мягко перебил он. — Как забываешь сон после пробуждения — ты не помнишь деталей, но чувство остаётся. Так и тут: ты не вспомнишь событий, но усвоишь суть. Это защита, не наказание. Представь, что ты нырнёшь в океан сокровенной памяти Вселенной. Неподготовленный разум просто не выдержит такого объёма. А после инициации ты будешь помнить не факты, а... истину. Разницу почувствуешь потом.

Я кивнул, хотя понял не до конца. Но доверие к этому огромному, спокойному существу, которое назвало себя Смертью, перевешивало страх.

Мы вошли в чернильную тьму, и через три шага она рассеялась, открыв пространство, которое невозможно описать словами. Это была пещера — и в то же время бескрайняя вселенная. Стены переливались звёздной пылью, пол был соткан из туманностей, а в центре, на возвышении, напоминающем трон из спрессованного мрака, сидела Она.

Тьма.

Она не была женщиной в привычном смысле, хотя угадывались черты: плечи, длинные волосы, струящиеся до самого пола и теряющиеся в звёздной пыли, руки, сложенные на коленях. Но лица не было — только глубокая, уютная, бесконечно мудрая пустота, из которой на меня смотрели миллиарды глаз, сотканных из галактик.

— Здравствуй, дитя, — произнесла Тьма, и её голос прозвучал одновременно в моей голове, в груди и где-то глубоко в душе — там, где раньше жила боль.

Я не смог ответить. Я просто стоял и смотрел, как по её «коже» пробегают всполохи далёких сверхновых.

Танатос опустился на одно колено — не как раб, а как почтительный сын. Я последовал его примеру, не раздумывая.

— Мама, — сказал он просто. — Я привёл тебе нового птенца. Он отрёкся от старых богов и не побоялся взглянуть в лицо собственной смерти.

Тьма протянула руку — и хотя она находилась в десяти шагах от меня, я почувствовал прохладное прикосновение к своей щеке. Ладонь, сотканная из ночи, пахла лавандой, мёдом и чем-то забытым, родным.

— Я ждала тебя, — сказала она. — Ты даже не представляешь, как долго я ждала того, кто способен увидеть свет даже в полной темноте.

— Я... — мой голос сел. Я прочистил горло. — Я не уверен, что я тот, кого вы ждали. Я просто... просто устал. И разочаровался. И захотел, чтобы всё закончилось.

— Именно поэтому ты — тот самый, — мягко ответила Тьма. — Только тот, кто познал глубину отчаяния, способен оценить высоту истинного покоя. Тот, кто обжёгся о ложных богов, не станет строить новых идолов. Ты устал — я дам тебе отдых. Ты разочарован — я покажу тебе красоту в простом. Ты хочешь, чтобы всё закончилось... но на самом деле ты хочешь, чтобы всё началось заново. Правильно?

Я почувствовал, как по щеке покатилась слеза. Но это была не слеза горя. Она была тёплой и лёгкой, словно внутри меня отпустило что-то, сжатое пружинкой долгие годы.

— Да, — прошептал я. — Я хочу начать заново.

— Тогда иди ко мне, дитя, — Тьма раскрыла объятия. — Дай мне обнять тебя, и ты уснёшь. А проснёшься — когда будешь готов родиться заново.

Я шагнул к ней. Обернулся на Танатоса. Тот стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня с одобрением.

— Не бойся, — сказал он. — Я буду здесь, когда ты проснёшься. Обещаю.

Я шагнул в объятия Тьмы.

Она сомкнулась вокруг меня, как самое мягкое одеяло в мире. Пахло травой, домом, чем-то забыто-родным. Я закрыл глаза, чувствуя, как тело становится лёгким, а мысли — тягучими и сонными.

— Какой сон ты хочешь увидеть? — спросил голос, уже доносящийся откуда-то издалека. Я подумал.

— Волшебный мир, — ответил я, чувствуя, как губы растягиваются в улыбку. — Где нет зла. Где все друг друга любят. Где горы из сахарной ваты, а реки из молока и мёда. И где я... где я просто ребёнок. Которого никто не обидит. Где меня любят и я люблю в ответ...

— Будет исполнено, — прошепстала Тьма. — Спи, мой хороший. Спи.

И я провалился в сон, сладкий и тёплый, как объятия матери, которой у меня никогда не было.

Глава шестая

Глава шестая

Я очутился в гигантском полуподвальном помещении. За мной с грохотом закрылась дверь — я запоздало обернулся на стальной лязг запираемой массивной, даже на вид, с ржавыми подтёками и заклёпками величиной с кулак. Она была широкой и низкой и утопала в проёме из неровных серо-чёрных каменных плит, каждая из которых, казалось, помнила вес доисторических ледников. Дыхание холода исходило от них древнее, чем любой город на поверхности.

Зала, в которой я очутился, была воистину огромной: её дальние стены из и без того чёрного гранита тонули в вечном полумраке, который едва перебивал гаснущий отблеск заката из маленьких, по сравнению с высокими стенами, стрельчатых окон, забранных тяжёлыми решётками. Каждая решётка была кована вручную — я видел следы молота на прутьях, неровные, но исполненные той грубой красоты, что бывает только у вещей, сделанных на совесть. Свинцовые витражи не приносили оптимизма — они скорее напоминали о склепе, чем о храме. Сквозь мутное стекло цвета засохшей крови пробивался последний свет умирающего дня, ложась на пол длинными, искажёнными тенями, похожими на пальцы утопленников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.